

Научная статья
УДК 130.2:8Бахтин
doi: 10.17223/19986645/94/11

**«С огромным интересом читал три Ваших работы...»:
М.М. Бахтин в читательском диалоге с Л.Е. Пинским
(по материалам архива и личной библиотеки мыслителя)**

Светлана Анатольевна Дубровская¹

¹ *Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия, s.dubrovskaya@bk.ru*

Аннотация. Реконструируется читательский диалог М.М. Бахтина с Л.Е. Пинским, разворачивающийся в 1960-х – начале 1970-х гг. Предметом исследования являются маргиналии Бахтина на статьях Пинского в «Вопросах литературы», фрагменты переписки, сохранившейся в бахтинском архиве. Анализ помет, сделанных Бахтиным, позволяет выявить места, представляющие особый интерес для Бахтина-читателя, и сделать вывод о понимании ученым близости позиций Пинского его концепции раблезианского смеха.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Л.Е. Пинский, Шекспир, Рабле, Сервантес, маргиналии, читательский диалог, архив мыслителя, личная библиотека, «Вопросы литературы»

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00061 «Маргиналии М.М. Бахтина на изданиях из личной библиотеки ученого и других книгохранилищ: опыт публикации, комментария и реконструкции контекстов»).

Для цитирования: Дубровская С.А. «С огромным интересом читал три Ваших работы...»: М.М. Бахтин в читательском диалоге с Л.Е. Пинским (по материалам архива и личной библиотеки мыслителя) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 228–242. doi: 10.17223/19986645/94/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/11

**"With great interest I read three of your works...":
Mikhail Bakhtin in a reader's dialogue with Leonid Pinsky
(based on the materials of the thinker's archive
and personal library)**

Svetlana A. Dubrovskaya¹

¹ *National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, s.dubrovskaya@bk.ru*

Abstract. The article reconstructs the reader's dialogue between Mikhail Bakhtin and the literary scholar Leonid Pinsky in the 1960s and early 1970s. The subject of analysis

is Pinsky's articles in the *Voprosy Literature* journal and fragments of correspondence preserved in Bakhtin's archive. The study of the notes made by Bakhtin in the copies of journals in his library makes it possible to identify places of particular interest to Bakhtin the reader and to draw a conclusion about the scholar's understanding of the closeness of Pinsky's positions to Bakhtin's concept of Rabelaisian laughter. As the author emphasises, the identification and study of Bakhtin's marginalia forms an important part of contemporary Bakhtin studies. It allows us to visualise the image of Bakhtin the reader, to reveal the sequence of his work with this or that material. The transformation of "selected places" in Bakhtin's outline or Bakhtin's text provides an insight into the mechanism of adapting not only the "other word" but also the Other's thought and integrating them into a note or outline, working materials, and eventually directly into a book or article. The dialogue between Bakhtin and Pinsky on the literature of the European Renaissance, on the works of Rabelais and Shakespeare throughout the 1960s and early 1970s takes different forms – from correspondence and real communication to internal "reader's" dialogue, when the conversation with the author, agreement or dispute with him are expressed in the form of marginalia or continue in the creative transposition of the ideas of the "interlocutor", as is the case with the evaluation of Pinsky's book *Renaissance Realism in The Works of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. This article centres on a detailed analysis of Bakhtin's notes on the pages of Pinsky's four articles in *Voprosy Literature*: "The Tragic in Shakespeare" (1958), "On the Comic in Rabelais" (1959), "The Plot of 'Don Quixote' and the New European Novel" (1960), and "The Spanish Rascal Novel and the Baroque" (1962). Bakhtin not only reads Pinsky's articles carefully and marks the fragments that interest him: the number of strikethroughs, varying from one to four, serves as a basis for identifying the most significant or fundamentally important points for Bakhtin the reader. For example, in Pinsky's article "On the Comic in Rabelais", which he carefully read, he emphasises ideas that are consonant with his own position. Traces of Bakhtin's work with these articles by Pinsky are found in the subtext of his book on Rabelais, where Pinsky is presented as the author of the best Soviet work on Rabelais. Accordingly, for Bakhtin, Pinsky's scholarly position and his vision of the literature of the European Renaissance and its individual authors (primarily Rabelais and Shakespeare) became an important confirmation not only of the faithfulness of his own scholarly position, but also of the demand for his creative research by the best representatives of Soviet literary studies. Archival materials, Bakhtin's marginalia in the pages of Pinsky's works are introduced into the academic discourse.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Leonid Pinsky, Shakespeare, Rabelais, Cervantes, marginalia, reader's dialogue, thinker's archive, personal library, "Voprosy Literature" (Problems of Literature)

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00061 "M.M. Bakhtin's Marginalia on editions from the scholar's personal library and other book repositories: an attempt of publication, commentary, and reconstruction of contexts".

For citation: Dubrovskaya, S.A. (2025) "With great interest I read three of your works...": Mikhail Bakhtin in a reader's dialogue with Leonid Pinsky (based on the materials of the thinker's archive and personal library). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 228–242. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/11

Личность и труды выдающегося российского мыслителя Михаила Михайловича Бахтина прочно вошли в историю мировой науки и культуры, представляя собой одно из высших достижений российской гуманитарной мысли. О том, насколько успешно развивается современное бахтиноведение, говорят публикации ученых из разных стран – России, США, Индии, Китая и др. С 1970-х гг. мировое бахтиноведение прошло несколько этапов – от предварительного осмысления доступных текстов и фактов биографии ученого до погружения в его философские замыслы и принципы диалогического мышления, до постижения историко- и теоретико-литературных открытий. Особую роль в этом процессе сыграла публикация собрания сочинений М.М. Бахтина, благодаря чему научное сообщество получило текстологически достоверные и качественно прокомментированные труды ученого [1]. Сегодня даже скептически настроенные представители западной науки признают высочайший уровень издания собрания сочинений и обозначают его как единственный источник бахтинских текстов [2, 3].

В то же время завершение издания собрания сочинений ученого поставило перед исследователями новые задачи. Это прежде всего изучение и подготовка к публикации материалов его личного архива, в силу разных причин не вошедших в собрание сочинений, детальная реконструкция научных и культурных контекстов идей и трудов Бахтина, определение контуров его диалога с современниками и предшественниками, подготовка научной биографии мыслителя. В последние годы эта работа активно велась в России В.Л. Махлиным, Н.И. Николаевым, О.Е. Осовским, Н.А. Паньковым, И.В. Пешковым, И.Л. Поповой, а за рубежом К. Брэндистом, С. Сандлером, Г. Тихановым, К. Хиршкопом, К. Эмерсон, Ш. де Камарго Грилло, М. Фрайзе (подробнее см.: [4, 5]).

Особое место в этом контексте занимает изучение маргиналий Бахтина на страницах отдельных изданий, сохранившихся в личной библиотеке ученого, а также в российских книгохранилищах. Отметим, что речь идет об источнике, который ранее почти не использовался. Несмотря на то, что отдельные издания с пометами Бахтина уже становились предметом исследовательского анализа той или иной степени глубины [6, 7], упоминались в комментариях к собранию сочинений [1. Т. 5. С. 425–437. С. 619, 657 и др.; Т. 6. С. 545–585, 595 и др.], изучение бахтинских маргиналий как специальная проблема была сформулирована относительно недавно [8].

Проблема бахтинских маргиналий оказывается в общем тренде работ отечественных исследователей, занимающихся изучением авторских помет на различного рода изданиях. В этом смысле продуктивными представляются подходы и методы, которые предлагают современные ученые [9, 10].

Издания из личной библиотеки Бахтина многие годы хранились у Л.С. Мелиховой. В 2008 г. большая часть бахтинских книг и журналов¹ была передана в Национальную библиотеку им. А.С. Пушкина Республики

¹ Их описание было составлено в 2010 г. саранскими исследователями И.В. Ключевой и Л.М. Лисуновой [11].

Мордовия. Сегодня они вошли в специальную коллекцию в составе «Отдела редких книг и работы с книжными памятниками». В 2015 г. оставшаяся часть библиотеки была передана в Центр М.М. Бахтина [12]. Среди изданий большое количество книг и журналов содержат пометы Бахтина. Например, несколько томов «Трудов по знаковым системам», «За и против. Заметки о Достоевском» В.Б. Шкловского, сборники «Достоевский в русской критике», «Герцен», отдельные номера «Вопросов литературы», «Русской литературы», «Вопросов философии» и др. Кроме того, в фондах Научной библиотеки им. М.М. Бахтина Мордовского государственного университета нами были обнаружены издания с пометами ученого, в частности книги А.Н. Веселовского, отдельные тома из собрания сочинений И.В. Гете и др. Некоторые издания с бахтинскими маргиналиями сохранились в личных библиотеках его близких знакомых и коллег по кафедре литературы¹.

Среди современников, чьи работы Бахтин читал наиболее внимательно, следует выделить Л.Е. Пинского. Его по праву можно назвать одной из самых ярких и неординарных фигур в окружении Бахтина 1960-х – начала 1970-х гг. По общему мнению исследователей культурного пространства послевоенной Москвы, Пинский был в числе заметных участников литературной жизни столицы в период оттепели и в последующие десятилетия. Об этой стороне жизни ученого подробно рассказано в воспоминаниях его вдовы, переводчицы Е.М. Лысенко. Не менее выразительные портреты Пинского на фоне 1950-х – начала 1960-х гг. оставили его младшие современники, в частности В.В. Кожин [13].

Научно-педагогическая карьера литературоведа начинается в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Киеве и Тирасполе. Обучение в московской аспирантуре под руководством Ф.П. Шиллера, сотрудничество с В.Р. Грибом, М.А. Лифшицем и Д. Лукачем, публикации в журнале «Литературный современник», лекции в ИФЛИ – приметы предвоенной биографии Пинского. Крайне важна для сюжета нашей статьи тема диссертации Пинского. В своем первом письме к Бахтину от 10 ноября 1960 г. он укажет: «В 1936 году защитил диссертацию на тему “Рабле и реализм Возрождения” (не напечатанную)» [14. Л. 1].

После недолгого пребывания на фронте Пинский возвращается к педагогической деятельности: он один из самых ярких лекторов на филологическом факультете Московского университета. Однако независимость, острый ум и острый язык, популярность у студенческой аудитории превращают успешного доцента кафедры всеобщей литературы в объект критики и гонений. Пинский оказался в числе тех преподавателей зарубежной литературы, на которых обрушилась вся мощь начавшейся борьбы с космополитизмом:

¹ К сожалению, сегодня неизвестно местонахождение ряда изданий, упоминаемых в комментарии к собранию сочинений Бахтина и в списке Ключевой и Лисуновой. Это, в частности, монография «О языке художественной прозы» В.В. Виноградова, первый том академической «Истории французской литературы», подаренный Бахтину М.В. Юдиной и др.

«Доцент Л.Е. Пинский давал эстетскую оценку произведениям литературы, исходя из теории “искусство для искусства” <...> В лекционных курсах по зарубежной литературе излагалась исключительно литература Англии, Германии, Франции, США и замалчивалась богатая литература стран новой демократии», – отмечалось в протоколе заседания коллегии Министерства высшего образования СССР (цит. по: [15. С. 387]).

Однако даже в этих условиях масштаб педагогического таланта Пинского был настолько очевиден, что в ходе обсуждения итогов проверки прозвучали слова в его защиту. Так, профессор кафедры истории русской литературы Н.А. Глаголев, соглашаясь в целом с выводами комиссии, не побоялся сказать несколько слов в защиту Пинского как «ценного специалиста советского типа», отметив следующее: «В докладе говорится о Пинском – талантливый преподаватель, есть у него серьезные ошибки эстетического порядка и [идеологического] порядка. Это человек, в отношении которого нужно поставить вопрос так – сумеем ли заставить в ближайшее время понастоящему, полностью свои ошибки изжить <...> Мы не можем полностью оголеть весь фронт и выбросить людей, которые могут быть полезны. Тут не может быть огульного подхода» (цит. по: [15. С. 427]).

Впрочем, судьба Пинского была предreshена: в 1951 г. он был арестован по доносу и смог вернуться в Москву только в 1956 г. после нескольких лет заключения. Пребывание в лагере серьезно отразилось на внутреннем состоянии Пинского: он отказался от преподавания, сосредоточившись на научной, редакторской и переводческой работе. В письме к Бахтину, он говорил об этом так: «После пятилетнего перерыва – по причинам “от меня не зависящим” – вернулся в Москву, но не желая возобновить педагогическую деятельность, перешел на литературно-критическую работу (журнальные и вступительные статьи, комментарии и редактирование)» [14. Л. 1].

К концу 1950-х гг. литературоведом был опубликован ряд статей, посвященных особенностям европейского реализма эпохи Возрождения и XVII–XVIII столетий. Вместе с другими материалами они послужили основой монографии «Реализм эпохи Возрождения» [16]. Сам автор в письме к Бахтину указывал: «Летом этого года я сдал в Гослитиздат книгу “Реализм Возрождения” (23 п.л.) – шесть очерков, среди которых главный – “Смех Рабле”» [14. Л. 1].

На завершающем этапе подготовки книги Пинский познакомился с диссертацией Бахтина о Рабле. О ее существовании ему сообщил ленинградский шекспировед А.А. Смирнов, выступавший по просьбе издательства рецензентом монографии «Реализм эпохи Возрождения». Он, в частности, отмечал сходство в понимании Пинским смеха Рабле с точкой зрения Бахтина. Поскольку основная работа над рукописью к этому времени была завершена, Пинский, на которого бахтинский труд произвел огромное впечатление, ограничился лишь небольшой вставкой почти технического характера, в которой он, однако, смог дать восторженный отзыв о диссертации Бахтина: «В неопубликованной диссертации М.М. Бахтина “Ф. Рабле в истории реализма” концепция “карнавального” и “амбивалентного” смеха Рабле, отличного от

сатиры, юмора и забавно-комического <...> обоснована <...> связью Рабле с неофициальной линией народного искусства Средних веков, с традицией “готического реализма”. Рукопись этого высокоталантливого исследования исключительного интереса (с которой я познакомился, когда настоящая книга уже была в наборе) находится в архиве Института мировой литературы им. Горького» [16. С. 203].

Еще более решительно о значительности сделанных Бахтиным открытий Пинский высказался непосредственно в письме ученому: «...я разыскал Вашу работу в архиве института им. Горького и прочитал ее в октябре <...> Она меня поразила. Я повторю то, что уже сказал некоторым моим друзьям (Д.Д. Обломиевскому, Е.М. Евниной, Е.М. Мелетинскому и др.): за последние двадцать лет я ничего не читал столь значительного по теории и истории литературы. Это действительно работа, “составляющая эпоху”» [14. Л. 1 об.].

С момента знакомства с рукописью Бахтина Пинский становится ее активным пропагандистом и чуть ли не первым высказывает мысль о том, что в том или ином виде этот труд следует опубликовать. По свидетельству Кожина, Пинский сыграл определенную роль в продвижении рукописи о Рабле в издательстве «Художественная литература» и оказал Бахтину немалую помощь в процессе доработки книги [17. С. 545–567].

Трудно сказать, насколько первое знакомство Пинского с диссертацией Бахтина действительно изменило его восприятие европейского Возрождения и творчества отдельных писателей. Однако очевидно, что тексты Пинского, появившиеся в 1960-е гг., несут на себе отпечаток бахтинского влияния. Не случайно в рецензии на монографию Бахтина о Рабле Пинский отмечал: «Это исследовательская монография, в которой автор избегает шаблонов и проторенных дорожек и опровергает многие традиционные представления. Но бесспорное и спорное, привычное и необычное <...> составляют стройное целое. Огромная аргументация, множество фольклорных и литературных материалов заставляют каждого непредубежденного читателя считаться с развиваемой концепцией, которой нельзя отказать в правах научной теории. Потребуется еще ряд исследований, исходящих из этой основополагающей работы, для того чтобы все в ней стало общепризнанным» [18. С. 205].

Бахтин также очень высоко оценивает первые статьи Пинского, опубликованные на страницах журнала «Вопросы литературы». Для него принципиален именно тот подход, который реализован в статье «О комическом у Рабле» [19]. В ответном письме Пинскому в ноябре 1960 г. он замечает: «О Вас я уже давно и много слышал и с огромным интересом читал три Ваших работы: (о Шекспире, Сервантесе и Рабле), опубликованные в “Вопросах литературы”. Я знаю также Вашу статью и комментарии к Эразму. Больше всего поразила меня, конечно, статья о Рабле, и я с нетерпением буду ожидать выхода книги, о которой Вы пишете. Даже в Вашей краткой статье я нашел много нового и в высшей степени для меня интересного...» [20. С. 57].

В этом контексте особое значение приобретают бахтинские маргиналии. Это не только безусловные маркеры внимания и интереса Бахтина-читателя к тем или иным мыслям и наблюдениям Пинского, но и своего рода бахтинские реплики в большом интеллектуальном диалоге, находящие продолжение непосредственно в бахтинском тексте в виде цитат, отсылок и аллюзий, а также полемических возражений.

Как справедливо отмечает М.Г. Уртминцева, «анализ маргиналий способствует расширению исследовательского горизонта, т.к. дает дополнительный материал для характеристики особенностей восприятия писателем мира чужих идей, которые в той или иной степени получают выражение в созданных им произведениях» [21. С. 101]. Несмотря на то, что замечание литературоведа относится к пометам раннего М. Горького, высказанное наблюдение справедливо и по отношению к пометам любого автора – идет ли речь о писателе, литературоведе или историке культуры. Действительно, анализ бахтинских помет позволяет проследить, какие трансформации в новом тексте Бахтина претерпевает «чужое слово», во что превращаются «маргинализованные» фрагменты и какой завершающий вид приобретает диалог, складывающийся подобным образом.

Можно предположить, что первоначально интерес Бахтина к текстам Пинского возникает в общем контексте его интереса к новому литературоведческому журналу. «Вопросы литературы» привлекли внимание ученого с момента их появления. По крайней мере, подписчиком журнала он стал с его первого номера, получая экземпляры по саранским адресам: улица Советская, 34-21 (до № 7 1959 г.) и затем – улица Советская, 31–30 [11. С. 113]. В личной библиотеке Бахтина сохранились комплекты «Вопросов литературы» за 1957–1974 гг. Журналы составили часть бахтинской библиотеки, и в настоящий момент хранятся в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина Республики Мордовия.

Первой публикацией Пинского в журнале «Вопросы литературы» стала статья «Трагическое у Шекспира» [22]. Свою цель автор видел в том, чтобы «установить объективные основания» трагедий Шекспира [22. С. 139]. Соответственно, автора интересует не специфика конкретных трагедий, а эстетика и поэтика трагического начала, то что сам он формулирует как постановку вопроса «не об отдельных ветвях и стволе, но о корне и почве дерева» [22. С. 139]. Эта установка Пинского созвучна тому взгляду Бахтина на Шекспира, который возникает у ученого в «Дополнениях и изменениях к “Рабле”» [1. Т. 5. С. 80–129], где он, в частности, замечает: «Шекспир космичен, пределен и топографичен; поэтому его образы – топографичные по природе своей – способны развить такую необычайную силу и жизненность в топографическом и сплошь проакцентуированном пространстве сцены» [1. Т. 5. С. 87].

Статья Пинского «Трагическое у Шекспира» важна не только как первая публикация литературоведа в этом журнале. В ней автор предлагает радикальный пересмотр феномена шекспировской трагедии и в контексте того,

что традиционно именуется кризисом гуманизма, и в целом – на фоне большой истории европейской словесности. Очевидно, что Бахтину не могла не показаться интересной та схема, в которую Пинский встраивает шекспировскую трагедию. В ее основе – отношения между эпосом и романом, из древности и средневековья переходящие к буржуазному XVIII в., а затем и XIX в. ренессансная трагедия оказывается в своеобразном историческом промежутке, будучи представлена Шекспиром и его современниками, а затем и творчеством испанских драматургов. Оригинальность этой трагедии особенно заметна на фоне «искусственности» французского классицизма, впрочем, продолжающего эту линию. Пинский критически относится к достижениям современного буржуазного литературоведения, начиная с Гундольфа, однако и советское шекспироведение, по его мнению, не во всем соответствует запросам времени, оставаясь на социологических позициях 1930-х гг. В статье подчеркивается необходимость нового взгляда на трагическое у Шекспира, что и предлагает Пинский, а Бахтин обращает на него особое внимание. Так, уже в самом начале статьи он на полях отмечает одной чертой фразу, отражающую сущностный смысл целеустановки Пинского: «Ни идейное богатство наследия Шекспира, ни даже его художественный метод в собственном смысле слова здесь не имеется в виду» [22. С. 139]. И уже двумя линиями отчеркивает ее продолжение: «но скорее сознательная или бессознательная историческая правда трагического, гарантирующая ему естественность в развитии героической коллизии, без которой нет трагедии. Именно этот *реализм* трагического и был, как известно, предметом удивления и зависти для драматургов последующих веков» [22. С. 139].

Бахтин отмечает двумя чертами и критику Гундольфа, и взгляд «советского исследователя и режиссера», соглашаясь с общей оценкой советского шекспироведения, отчеркнув эти абзацы одной линией [22. С. 141]. Тремя отчеркиваниями отмечена вытекающая из этого анализа мысль Пинского о кризисе ренессансного гуманизма и его влияния на само понимание трагического у Шекспира.

Не менее важны для Бахтина и конкретные наблюдения литературоведа. Его особое внимание привлекают размышления Пинского об отличии героя трагедии от героя средневекового эпоса, яркая мысль автора о «пружинах сюжета» и весь европейский историко-литературный контекст, из которого, собственно, и вырастает шекспировская трагедия, сопоставление сюжетных коллизий эпоса и трагедии. На этом фоне очевиден интерес к интерпретациям Пинским шекспировского Гамлета: эти фрагменты Бахтин последовательно отмечает двумя и тремя отчеркиваниями [22. С. 142–152].

Примечательно, что не вся статья прорабатывается Бахтиным так тщательно: характеристики других персонажей Шекспира, постшекспировское развитие сюжета фактически остаются без помет Бахтина. Как можно предположить, эта сторона шекспировского творчества, вопросы драматургической техники и эволюции жанра трагедии не представляют для него особого интереса.

Напротив, статью «О комическом у Рабле» [19] Бахтин прорабатывает до самого конца. Можно с уверенностью утверждать, что эта статья Пинского воспринимается Бахтиным как созвучная его собственным мыслям и наблюдениям. Иногда он подчеркивает развернутые пассажи, касающиеся источников комического, раблезианского гротеска, посвященные анализу жизнерадостной природы романских образов. Иногда его внимание привлекает только вывод литературоведа. Так, оставив без помет проделанный Пинским анализ раблезистики, в котором, как можно предположить, для Бахтина не было ничего нового, он подчеркивает двумя жирными линиями вывод автора: «Эволюция оценок Рабле в веках показывает, что плодотворным всегда оказывалось только то понимание великого гуманиста, когда комическое начало не отделяется от освободительных и прогрессивных идей “Гаргантюа и Пантагрюэля”. Во все века Рабле оставался для читателя прежде всего гением комического. Развеять “туман, напущенный Февром”, может только смех самого Рабле – единственный “ключ” к его мудрости. Необходимо изучить прежде всего источники этого смеха – историческую почву комического у Рабле и его гуманистическое представление о человеческой природе. Затем – назначение комического, роль, которую играет смех у автора для познания жизни и человеческого счастья» [19. С. 174].

Особое внимание Бахтина привлекает завершающая статью часть «Цель смеха. Смех и мудрость» [19. С. 189–195]. Фактически каждая мысль Пинского отмечена двумя и тремя подчеркиваниями. Дополнительной горизонтальной линией выделено начало развернутого пассажа о «чисто комическом» смехе Рабле. Три линией Бахтин отмечает близкие ему выводы Пинского о природе смеха Рабле: «В отличие от сложных и переходных видов смех Рабле можно назвать “чисто комическим”. Смех как синоним “радости”, внутренне родственен сельскому комосу (“гуляющая компания”) древней Аттики, из которого, как известно, постепенно возникла комедия Аристофана. Это прежде всего смех человека, которому весело, – самое элементарное, общечеловеческое, народное чувство комического <...> Да и в целом комическое у Рабле, главный источник которого <...> движение времени, внутренне родствен духу карнавала, празднеств, связанных с переходом от зимы к весне, от старого года к новому» [19. С. 192].

Не остается без помет Бахтина и сравнительно небольшая статья Пинского «Сюжет “Дон Кихота” и новый европейский роман» [23]. Близость Бахтину взгляда Пинского на роман Сервантеса можно усмотреть в том, что весь текст сопровождается одинарным подчеркиванием. Более всего Бахтина интересует предложенная в статье формула движения романа, вырастающая из дихотомии «сюжет-фабула» и «сюжет-ситуация», результатом которого становится появление новых романских разновидностей: «“Дон Кихот” Сервантеса возмещает художественный метод Нового времени. “Воспитательный роман”, “роман карьеры”, “роман о художнике”, “роман о лишнем человеке” и т.д. также строятся на особой в каждом произведении фабуле, с особыми героями, развивая некий общий сюжет-ситуацию» [23. С. 172].

Нельзя не заметить, насколько размышления Пинского созвучны той типологии романа, которая была предложена Бахтиным еще в 1930-е гг. [1. Т. 3. С. 181–339].

Ощущает Бахтин и единство замысла, объединяющего статьи Пинского в журнале «Вопросы литературы»: если в очерке о Рабле он фиксирует появление Сервантеса [19. С. 188], то в статье о «Дон Кихоте» для него важен возникающий на фоне Сервантеса Шекспир [23. С. 172].

Статья «Испанский плутовской роман и барокко» [24] публикуется в журнале уже после выхода «Реализма эпохи Возрождения»¹. Фактически продолжая то, о чем Пинский писал в своей монографии, статья обозначила дальнейшие тенденции в развитии европейского романа в постсервантескую эпоху, т.е. по сути Пинский приближается к выводам, сделанным Бахтиным в его работах 1930-х гг. по истории европейского романа, в частности в «Формах времени и хронотопа в романе» [1. Т. 3. С. 341–511].

Исходя из количества и качества бахтинских помет, можно сказать, что эту статью ученый читает с наибольшим вниманием, о чем свидетельствует число страниц, где встречается по три или четыре отчеркивания на полях. Прежде всего внимание Бахтина привлекают размышления автора о характере смеха в испанском плутовском романе и его отличие от смеха ренессансного. Он выделяет тремя и четырьмя чертами следующий фрагмент: «Субъективный источник комического у Алемана – не избыток жизненных сил, не их игра, как в “абсолютном смехе” Ренессанса, а недостаток сил, бессилие перед жизнью <...> Это относительный смех: автору, его герою, да и читателю не совсем смешно, потому что они участвуют не в “карнавальной игре бога” <...> а скорее в дьявольских игрищах Фортуны, богини собственнического мира» [24. С. 149].

Привлекает внимание Бахтина и явная аллюзия Пинского к размышлениям о сказе в «Проблемах творчества Достоевского»: «Одна из основных форм комического в “Гусмане” – это слово, рассчитанное как бы не на глаз, а на сказ. Рассказчик спорит с читателем, обращается с ним коротко на “ты”, огрызается, рекомендует набраться терпения, насмехается над читательницей <...> В тоне сказа непосредственно передан тонус жизни – сочетание раздражения и смирения, страха и надежды, иллюзий и глумления» [24. С. 150].

Закономерно, что Бахтин отчеркивает тремя чертами выводы о судьбах испанской пикарески и ее роли в развитии европейского романа: «Истоки нового европейского романа восходят к классической испанской литературе в большей мере, чем к какой-либо иной, – к роману Сервантеса и его современников, начиная с автора “Гусмана де Альфараче”» [24. С. 152].

Еще более примечательно то, как идеи Пинского, его интерпретация тех или иных аспектов европейского Возрождения возникают на страницах бахтинской монографии о Рабле, где «Реализму эпохи Возрождения» уделено

¹ На выход книги Пинского «Вопросы литературы» откликнулись небольшой рецензией Кожина, несколько фрагментов которой также были отмечены Бахтиным (подробнее см.: [25]).

немало внимания. В ходе анализа достижений европейской и отечественной раблеистики Бахтин специально останавливается на том, что сделано Пинским, определяя его работы как «самое значительное событие в нашей раблестике» [1. Т. 4 (II). С. 156].

Развернутое представление книги Пинского в монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» позволяет утверждать, что фраза Бахтина о внимательном чтении «Реализма эпохи Возрождения»¹ не была данью вежливости. Хотя он анализирует исключительно одну главу – «Смех Рабле» – проведенный разбор с максимальным количеством цитат дает основание говорить, что Бахтин не просто перечитывал Пинского, но настойчиво обозначал созвучие идей автора своим собственным, особенно в понимании раблезианского смеха: «В отличие от большинства раблеистов, Л.Е. Пинский считает смех основным организующим началом романа Рабле, не внешней, а внутренней формой самого раблезианского видения и понимания мира. Он не отделяет смех ни от мирозерцания Рабле, ни от идейного содержания его романа. Под этим углом зрения Л.Е. Пинский дает критический очерк понимания и оценок Рабле в веках» [1. Т. 4 (II). С. 152].

Текст Пинского цитировался по «Реализму эпохи Возрождения», хотя Бахтин указал и место первой публикации очерка – журнал «Вопросы литературы» [1. Т. 4 (II). С. 153]. Отметим, что подавляющее большинство приведенных в монографии цитат уже было выделено Бахтиным в журнальном варианте очерка Пинского. При этом необходимо учитывать, что для публикации в книге очерк о Рабле был серьезно доработан автором.

Таким образом, можно сказать, что читательский диалог Бахтина с Пинским выводится на новый уровень – слово единомышленника становится органичным элементом бахтинской аргументации.

Диалог Бахтина и Пинского продолжается и после выхода монографии о Рабле. Нам уже приходилось говорить о роли Пинского в появлении рецензий на книгу Бахтина в «Вопросах литературы», о его активной деятельности по представлению открытий ученого широкому кругу научной общности, о фактическом введении бахтинской концепции комического в официальный литературоведческий дискурс (подробнее см.: [25]).

Бахтин также выступает рецензентом Пинского. В 1967 г. по просьбе издательства «Советская энциклопедия» он пишет отзыв о статье Пинского «Рабле» для «Краткой литературной энциклопедии» (подробнее см.: [25]), в 1970 г. он рецензирует рукопись книги «Шекспир: Основные начала драма-

¹ В особом комментарии нуждается история бахтинского экземпляра «Реализма эпохи Возрождения», который был подарен ему Пинским, о чем свидетельствует письмо Бахтина от 21 февраля 1963 г.: «Но, хотя я и не писал Вам – все это время я общался с Вами самым существенным образом: читал и перечитывал Вашу замечательную книгу» [20. С. 58]. К сожалению, последующая судьба книги неизвестна. По крайней мере, среди изданий, переданных в Саранск, она отсутствует.

тургии» [1. Т. 6. С. 440–450]. При этом тактичность Бахтина-рецензента сочетается с принципиальностью. Не случайно замечания, которые высказывает Бахтин, принимаются Пинским с огромным уважением и вниманием: в письме к режиссеру Г.М. Козинцеву, говоря о пожелании Бахтина по поводу его книги о Шекспире, отмечает: «Бахтин, также высоко о ней отзывавшийся, но выдвинувший (в крайне тактичной форме) одно принципиальное возражение против “слишком исторического” обоснования <моего> траг<ического> начала у Ш<експи>ра (всецело относящегося лишь к моей старой статье “Траг<ическое> начало”), возражение, окончательно убедившее меня не включать эту статью (в прежнем – слишком схематизированном – виде) в книгу» [26. С. 54–55].

Таким образом, диалог Бахтина и Пинского по проблемам литературы европейского Возрождения, о творчестве Рабле и Шекспира на протяжении 1960-х – начала 1970-х гг. обретает разные формы – от переписки и реального общения до внутреннего читательского диалога, когда разговор с автором, согласие или спор с ним выражаются в форме маргиналий, продолжают творческим переложением идей «собеседника» или же их цитированием в собственном тексте. Можно констатировать, что в основе диалога ученых лежит тот принцип «диалогического чтения», о котором Бахтин писал в работе «Проблема текста» [1. Т. 5. С. 306–326]. В случае Пинского архив и личная библиотека Бахтина предоставляют материал для реконструкции всех форм этого диалога и позволяют говорить о том, что научное и человеческое общение Бахтина и Пинского превращалось в большой диалог в большом времени, важный для обоих участников. Не случайно Пинский в письме к Козинцеву признавался: «Кроме М.М. Бахтина, нет человека, мнением которого я так бы дорожил» [26. С. 58]. Для Бахтина научная позиция Пинского, его видение литературы европейского Возрождения и творчества отдельных авторов (прежде всего Рабле и Шекспира) становилось не только важным подтверждением верности собственной научной позиции, но и свидетельством востребованности его творческих поисков лучшими представителями советской литературной науки.

Список источников

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари: Языки славянских культур, 1996–2012.
2. Hirschkop K. The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. XVI, 250 p.
3. *Understanding Bakhtin*, *Understanding Modernism* / ed. Philippe Birgy. Bloomsbury Publishing, 2024. XVI, 310 p.
4. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–262.
5. Осовский О., Киржаева В. «Умение познать и умение выразить себя»: размышления над книгой о диалогических методах в современной гуманитаристике // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 24–33.
6. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.

7. *Popova I.L.* «Citons ici la dernière monographie fondamentale concernant Rabelais...» // *Revue des études slaves*. XCII–2. 2021. P. 325–336. URL: <https://journals.openedition.org/res/4509> (дата обращения: 02.05.2024).
8. *Осовский О.Е.* «Из советских работ большую ценность имеет книга О. Фрейденберг»: бахтинские маргиналии на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // *Бахтинский сборник*. Вып. 4 / под ред. В.Л. Махлина. Саранск, 2000. С. 128–134.
9. *Коростелев О.А., Кузнецова Е.В.* Поэтические принципы Ивана Бунина и Александра Блока (на материале маргиналий И. Бунина на одномотнике А. Блока 1946 г.) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 58. С. 196–224.
10. *Павлович К.К.* Авторские пометы А.В. Никитенко на страницах «Фрегата “Паллада”» И.А. Гончарова (к вопросу о философии синтеза и эстетике живописания) // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 491. С. 24–30.
11. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск : [Б.и.], 2010. 468 с.
12. *Собрание* инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина / авт.-сост. И.В. Клюева, Н.Н. Земкова ; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
13. *Два монолога* об одном диалоге: Е.М. Лысенко и В.В. Кожин рассказывают о М.М. Бахтине и Л.Е. Пинском // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1992. № 2. С. 108–118.
14. *Пинский Л.Е.* Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 1960–1970 // РГБ. ОР. Ф. 913. Оп. 12. Ед. хр. 23. 40 л.
15. *Дружинин П.А.* Филологический факультет Московского университета в 1949 году: Избранные материалы // *Литературный факт*. 2016. № 1–2. С. 380–452.
16. *Пинский Л.Е.* Реализм эпохи Возрождения. М. : Гослитиздат, 1961. 367 с.
17. *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.
18. *Пинский Л.* Рабле в новом освещении // *Вопросы литературы*. 1966. № 6. С. 200–206.
19. *Пинский Л.* О комическом у Рабле // *Вопросы литературы*. 1959. № 5. С. 172–195.
20. *Письма* М.М. Бахтина к Л.Е. Пинскому // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1994. № 2. С. 57–62.
21. *Уртминцева М.Г.* Становление художественного сознания раннего Горького (по маргиналиям из личной библиотеки писателя в Нижнем Новгороде) // *Новый филологический вестник*. 2017. № 3 (42). С. 100–108.
22. *Пинский Л.* Трагическое у Шекспира // *Вопросы литературы*. 1958 № 2. С. 139–171.
23. *Пинский Л.* Сюжет «Дон Кихота» и новый европейский роман // *Вопросы литературы*. 1960 № 4. С. 168–181.
24. *Пинский Л.* Испанский плутовской роман и барокко // *Вопросы литературы*. 1962. № 7. С. 121–152.
25. *Дубровская С.А.* «За последние двадцать лет я ничего не читал столь значительного...» : Л.Е. Пинский в диалоге с М.М. Бахтиным // *Литературоведческий журнал*. 2024. № 1(63). С. 41–64.
26. *Пинский Л.Е.* Почему Бог спит: Самиздатский трактат Л.Е. Пинского и его переписка с Г.М. Козинцевым / сост., подгот. текста, коммент., предисл. и заключит. ст. А.Г. Козинцева. СПб. : Нестор-История, 2019. 136 с.

References

1. Bakhtin, M.M. (1996–2012) *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: In 7 vols]. Moscow: Russkie slovari: lazyki slavianskikh kul'tur.

2. Hirschkop, K. (2021) *The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Birgy, P. (ed.) (2024) *Understanding Bakhtin, Understanding Modernism*. Bloomsbury Publishing.
4. Osovskii, O.E. & Dubrovskaya, S.A. (2021) Bakhtin, Rossiia i mir: retseptsii idei i trudov uchenogo v issledovaniakh 1996–2020 godov [Bakhtin, Russia and the world: Reception of the scholar's ideas and works in studies from 1996–2020]. *Nauchnyi dialog*. 7. pp. 227–262.
5. Osovskii, O. & Kirzhaeva, V. (2022) "Umenie poznat' i umenie vyrazit' sebia": razmyshleniia nad knigoi o dialogicheskikh metodakh v sovremennoi gumanitaristike ["The ability to know and the ability to express oneself": Reflections on a book about dialogical methods in modern humanities]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 24–33.
6. Dubrovskaya, S.A. & Osovskii, O.E. (2020) O tsitatakh iz Gertsena v issledovanii M.M. Bakhtina o Rable [On quotes from Herzen in Bakhtin's study of Rabelais]. *Russkaia literatura*. 3. pp. 252–255.
7. Popova, I.L. (2021) "Citons ici la dernière monographie fondamentale concernant Rabelais...". *Revue des études slaves*. XCII–2. pp. 325–336. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/res/4509> (Accessed: 02.05.2024).
8. Osovskii, O.E. (2000) "Iz sovetskikh rabot bol'shuiu tsennost' imeet kniga O. Freidenberg": bakhtinskie marginalii na stranitsakh "Poetiki siuzheta i zhanra" ["Among Soviet works, the book by O. Freidenberg is of great value": Bakhtin's marginalia in "Poetics of Plot and Genre"]. *Bakhtinskii sbornik*. 4. pp. 128–134.
9. Korostelev, O.A. & Kuznetsova, E.V. (2019) The Poetic Principles of Ivan Bunin and Alexander Blok (On the Material of Bunin's Marginalia on Blok's One-Volume Book of 1946). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 58. pp. 196–224. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/58/12
10. Pavlovich, K.K. (2023) Aleksandr Nikitenko's marginalia on the pages of Ivan Goncharov's Frigate "Pallada" (On the philosophy of synthesis and the aesthetics of painting). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 24–30. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/3
11. Kliueva, I.V. & Lisunova, L.M. (2010) *M.M. Bakhtin – myslitel', pedagog, chelovek* [M.M. Bakhtin – Thinker, teacher, person]. Saransk: [s.n.].
12. Kliueva, I.V. & Zemkova, N.N. (eds) (2020) *Sobranie inskriptov na izdaniakh iz lichnoi biblioteki M.M. Bakhtina* [Collection of inscriptions on editions from M.M. Bakhtin's personal library]. Saransk: Mordovian State University.
13. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. (1992) Dva monologa ob odnom dialoge: E.M. Lysenko i V.V. Kozhinov rasskazyvaiut o M.M. Bakhtine i L.E. Pinskom [Two monologues about one dialogue: E.M. Lysenko and V.V. Kozhinov talk about M.M. Bakhtin and L.E. Pinsky]. 2. pp. 108–118.
14. Russian State Library. Manuscripts Department. Fund 913. List 12. Item 23. 40 P. Pinsky, L.E. (1960–1970) *Pis'ma i telegrammy k Bakhtinu M.M.* [Letters and telegrams to M.M. Bakhtin].
15. Druzhinin, P.A. (2016) Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta v 1949 godu: Izbrannye materialy [The philological faculty of Moscow University in 1949: Selected materials]. *Literaturnyi fakt*. 1–2. pp. 380–452.
16. Pinsky, L.E. (1961) *Realizm epokhi Vozrozhdeniia* [Realism of the Renaissance]. Moscow: Goslitizdat.
17. Pan'kov, N.A. (2009) *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bakhtina* [Questions of M.M. Bakhtin's biography and scholarly work]. Moscow: Moscow State University.
18. Pinsky, L. (1966) Rable v novom osveshchenii [Rabelais in a new light]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 200–206.

19. Pinsky, L. (1959) O komicheskom u Rable [On the comic in Rabelais]. *Voprosy literatury*. 5. pp. 172–195.
20. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. (1994) Pis'ma M.M. Bakhtina k L.E. Pinskiomu [Letters from M.M. Bakhtin to L.E. Pinsky]. 2. pp. 57–62.
21. Urtmintseva, M.G. (2017) Stanovlenie khudozhestvennogo soznaniia rannego Gor'kogo (po marginaliiam iz lichnoi biblioteki pisatel'ia v Nizhnem Novgorode) [The formation of early Gorky's artistic consciousness (based on marginalia from the writer's personal library in Nizhny Novgorod)]. *Novyi filologicheskii vestnik*. 3 (42). pp. 100–108.
22. Pinsky, L. (1958) Tragicheskoe u Shekspira [The tragic in Shakespeare]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 139–171.
23. Pinsky, L. (1960) Siuzhet "Don Kikhota" i novyi evropeiskii roman [The plot of "Don Quixote" and the new European novel]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 168–181.
24. Pinsky, L. (1962) Ispanskii plutovskoi roman i barokko [The Spanish picaresque novel and the Baroque]. *Voprosy literatury*. 7. pp. 121–152.
25. Dubrovskaya, S.A. (2024) "Za poslednie dvadtsat' let ia nichego ne chital stol' znachitel'nogo...": L.E. Pinskii v dialoge s M.M. Bakhtinym ["In the last twenty years, I have read nothing so significant...": L.E. Pinsky in dialogue with M.M. Bakhtin]. *Literaturovedcheskii zhurnal*. 1 (63). pp. 41–64.
26. Pinsky, L.E. (2019) *Pochemu Bog spit: Samizdatskii traktat L.E. Pinskogo i ego perepiska s G.M. Kozintseym* [Why God sleeps: L.E. Pinsky's samizdat treatise and his correspondence with G.M. Kozintsev]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.

Информация об авторе:

Дубровская С.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Dubrovskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 04.05.2024;
approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 26.03.2025.